

- Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2014/05/pdf/96.pdf>. – Дата доступа : 31.01.2016.
16. De Roubaix, L. Where boundaries blur: André Brink as writer, bilingual writer, translator and selftranslator / L. De Roubaix // *Versatility in Translation Studies : Selected Papers of the Cetra Research Seminar in Translation Studies* [Electronic resource]. – 2012. – Mode of access : <https://www.arts.kuleuven.be/cetra/papers/files/de-roubaix.pdf>. – Date of access : 31.01.2016.
17. Falceri, G. Nancy Huston, Self-Translation and a Transnational Poetics / G. Falceri // *Ticentre. Teoria Testo Traduzione*. – 2014. – № 2. – P. 51–66.
18. López L.-Gay, P. Conversación con Jorge Semprún. Sobre autotraducción. De los recuerdos y sus formas de reescritura / P. López L.-Gay // *Quaderns : Revista de traducció*. – 2008. – № 16. – P. 157–164.
19. Mohdeb, Y. L'autotraduction littéraire, entre traduction et réécriture, le cas de Rachid Boudjedra / Y. Mohdeb [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.academia.edu/6156621/Lautotraduction_litt%C3%A9raire_entre_traduction_et_r%C3%A9criture_le_cas_de_Rachid_Boudjedra. – Date of access : 31.01.2016.
20. Whyte, C. Against Self-Translation / C. Whyte // *Translation and Literature*. – 2002. – № 11/1 (Spring). – P. 64–76.

Стаття надійшла 04.02.2016 року

УДК 81'373.234

Алексей Романчук
(Кишинев, Молдова)

***СТЛАВЕНЕ КАК ИСХОДНАЯ ФОРМА ЭТНОНИМА 'СЛАВЯНЕ': КОНТУРЫ ГИПОТЕЗЫ**

В статье предлагается обоснование предложенной ранее автором новой этимологии этнонима славяне. Учитывая постулируемый В. В. Мартыновым «италийский ингредиент» в праславянском глоттогенезе, а также ряд других фактов, автор предлагает связывать этноним славяне с производными индоевропейского *stl̥- 'стелить, расстилать' – как уже предлагалось ранее для этнонима латины.

Ключевые слова: славяне, балты, этимология, склавины, латины.

Romanchuk A. A. *Stlavene as a primary form of ethnonym 'Slavs': a sketch of hypothesis.

The article suggest an argumentation of new etymology of ethnonym 'Slavs'. Basing on the conclusion of V. V. Martynov about "Italic ingredient" of for-Slavic glottogenesys, as well as taking into account some other important facts, the author suppose that the ethnonym 'Slavs' could be considered as a derivate of i.-e. *stl̥- 'lay, spread' (as it was earlier suggested for ethnonym 'Latins').

Keywords: Slavs, Balts, etymology, Sklavinians, Latins.

Романчук О. *Стлаvene як первинна форма етноніма слов'яни: намітки гіпотези.

У статті запропоновано обґрунтування нової етимології етноніма **слов'яни**. Враховуючи «італьський інгредієнт», який постулює В. В. Мартинов, автор пов'язує етнонім **слов'яни** з індоєвропейським *stl̥- 'стелити, розстилати' – як уже було запропоновано для етноніма **латиняни**.

Ключові слова: слов'яни, балти, етимологія, склавини, латиняни.

По поводу этимологии этнонима 'славяне' на сегодняшний день существуют две основные гипотезы [24, с. 665].

Общим у этих двух (и не только) гипотез является то, что они объясняют византийское *Sklavinoi* как греческую адаптацию этнонима 'славяне', при которой для разделения недопустимого в древнегреческом консонантного сочетания [sl] был использован вставной [k].

Прочитую здесь для удобства последующих рассуждений некоторые из недавних работ, посвященных интерпретации зафиксированного Птолемеем этнонима *ставаны* (который издавна пытаются объяснить, как раннюю искаженную фиксацию этнонима славяне).

«В этнониме *Σταυανοί*, после привлечения данных топонимики и археологии, с уверенностью усматривается искажённый выпадением буквы λ этноним *slavēne/slavāne в греческой огласовке и транскрипции со вставным τ между σ и λ (Шафарик 1837–1848; Lowmiański 1964; Иванов, Топоров 1980; Мачинский 1976; 2008; Мачинский, Тиханова 1976)» [12, с. 473]. Или: «практически общепризнанным является отождествление ставанов со славянами: известно, что греческий язык не терпел звукосочетания sl и стремился разделить эти звуки вставными t или k» [25, с. 88].

Однако, некоторые соображения привели меня к предположению, что исходной формой этнонима 'славяне' было *стлаvene [17]. То есть, согласно этому моему предположению, византийские формы типа *Sklavinoi* должны объясняться не использованием вставного [k], а эволюцией исходного *стлаvene.

Развивая эту гипотезу, я также попытался создать возможность ее обсуждения специалистами.

В результате были получены некоторые отклики, в которых содержался ряд замечаний (очень признателен всем, высказавшим эти замечания).

Поэтому в данной статье я хотел бы представить развернутое изложение и обоснование гипотезы, одновременно реагируя на эти высказанные замечания.

Но прежде хотел бы подчеркнуть, что, как и всегда, в данном случае у меня совершенно нет желания настаивать на своей точке зрения «любой

ценой». И если в процессе обсуждения мы придем к убедительной необходимости отвергнуть предлагаемую мной гипотезу, я сделаю это хоть и с сожалением, но без колебаний.

Однако и отказываться от какой-либо идеи без достаточного обсуждения мне не представляется разумным. Высказанные же в адрес гипотезы замечания совсем недостаточно, как мне видится, влияют на три ее ключевых тезиса. И, по крайней мере, у меня есть ответы на высказанные возражения.

Поэтому в этой ситуации, как мне кажется, лучше всего будет посмотреть на проблему вместе. И общими усилиями, посредством обсуждения (но обсуждения достаточного – тщательного и вдумчивого), решить, имеет ли смысл думать над этой гипотезой и далее. Или же ее следует отбросить, и отказаться от этой идеи.

Итак, приступим.

Начнем с возражения, что «вариативность в греч. способах передачи древнейшего славянского имени свидетельствует как раз о вставном характере t, k или вообще th (как автор объясняет форму $\Sigma\theta\lambda\alpha\nu\eta\nu\omicron\iota$ без обращения к собственно греческому материалу?) в группу согласных sl. О подобного рода эпентезах в греческом существует обширная литература. Так, ещё в 1895 г. в краткой этимологической заметке Шульце рассматривал такие консонантные вставки между s и последующим сонорным, как Μισθτραῖος , Μεστραῖοι ‘египтянин, египтяне’ < др.-евр. mišrāyīm , $\Sigma\theta\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\varsigma$ < слав. *slov(ěninъ) (позднее – $\Sigma\kappa\lambda\acute{\alpha}\beta\omicron\varsigma$), Ἰστραήλ в греч. магических папирусах и т. п. (Schulze W. *Kleine Schriften zum 70. Göttingen, 1933. S. 275.*). Швицер в своей ставшей давно хрестоматийной греч. грамматике добавляет к этим формам ещё одну – более чем интересную в контексте данной статьи: Τζασθλαβος < слав. *Časlav(ъ) (Schwyzer E. *Griechische Grammatik auf der Grundlage von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. 1. Bd. Allgemeiner Teil. Lautlehre. Wortbildung. Flexion. 6. Auf. München, 1990. S. 277.*)» (письмо e-mail от А. И. Грищенко, 26.04.2016).

Мне, к сожалению, несмотря на мои попытки, оказалась недоступна эта «обширная литература о подобного рода эпентезах» – и я был бы признателен здесь за подключение к обсуждению специалистов в древнегреческой филологии. Однако, исходя из уже имеющихся в моем распоряжении данных, могу отметить следующее.

Прежде всего, конечно, не вызывает сомнений вставной характер [th] (θ, тхэты) в $\Sigma\theta\lambda\alpha\nu\eta\nu\omicron\iota$ и подобных вариантах.

Однако из этого отнюдь не следует, что [t] и [k] в *Sklavinoi/Stlavinoi* автоматически тоже должны быть вставными. Тот факт, что греки использовали их для разделения нетерпимого сочетания [sl], не является

автоматическим основанием считать их вставными в каждом заимствованном слове, где можно подозревать это нетерпимое сочетание.

Не является безусловным аргументом здесь и апелляция к именам типа *Часлав*, *Святослав* и подобным. Потому что компонент **-слав** в этих именах – отнюдь не обязательно идентичен по своему происхождению корню ‘слав’ в этнониме ‘славяне’.

Разумеется, появление [th] в данном случае тоже нуждается в объяснении.

Пока могу отметить следующее.

Во-первых, насколько могу судить, в отличие от этнонима ‘славяне’, в именах *Часлав*, *Святослав* и подобных славянских, греки как раз последовательно и без исключений использовали именно [th]. Это особенно показательно, когда мы видим, как в одном и том же отрывке, последовательно славяне обозначаются как *Sklavinoi*, а в имени *Святослав* – столь же последовательно используется [th].

По всей видимости (в том числе – судя по цитированным примерам), именно [th] была здесь предпочтительнее для греческого уха (и *Sklavinoi*, соответственно, оказываются показательным исключением).

Во-вторых, показательным примером, как мне кажется, здесь являются некоторые рассмотренные П. Е. Ернштедтом греческие заимствования из египетского. В них мы наблюдаем отражение египетского [t] в положении после гласного как [th] [6, с. 171]. При этом, для данных заимствованных слов «обычным написанием в греко-египетских папирусах является написание через [t]» [6, с. 31].

Возможно, в отмеченной выше предпочтительности [th] в качестве консонантной вставки в славянских именах типа *Часлав* какую-то роль сыграла вообще характерная для древнегреческого тенденция к аспирации. Прочитую: «Индоевропейские языки отличались отношением к аспирации. В древнегреческом аспирация характеризовала не только согласный, но и слог, и слово в целом, а потому в произношении могла перераспределяться на разные слоги ...» [20, с. 482]. И, в эпоху протогреческого языкового состояния «произошло укрепление ряда глухих придыхательных, при вариативном характере признака придыхательности у смычных фонем в раннем индоевропейском и позже» [20, с. 353].

Как бы то ни было, если говорить о «вариативности в греч. способах передачи древнейшего славянского имени», то она, как можно видеть из уже сказанного, была как раз относительна, ограничена определенными рамками, и в ней вырисовывается система – за которой, надо полагать, скрывается закономерность.

Очерчивая эту закономерность, прежде всего мы должны уточнить вывод Д. А. Мачинского, который по поводу этнонима *Σκλαυνοί* отмечал:

«Первоначально он должен был выглядеть как *στλαυανοί* – форма, близкая к зафиксированным в рукописях, восходящих к текстам VI в., греческим формам вроде *Στλαβηνοί*, *Σθλαυηνοί* (Свод 1 1994: с. 465) или латинским формам со вставным «с» во франкских рукописях IX в., восходящих к анналам начала IX в., – *sclavani*, *Sclavania* (Свод 2 1995: с. 447, 464–466)» [12, с. 473].

На самом деле, если оставить в стороне *Σταυανοί*, то, судя по данным «Свода древнейших известий о славянах», во всех древнейших упоминаниях славян, включенных в первый том «Свода», они последовательно обозначаются формами с [k]: *Sklavinoi* и пр.

Единственно, у Прокопия Кесарийского, при тотальном преобладании написаний со вставным [k] во всех рукописях, в рукописи L дважды встречается и форма с [th] [18, с. 209]. Однако, авторы комментария к тексту Прокопия указывают, что М. Н. Крашенинников настаивал на интерполированности рукописи L и считал, что ею пользоваться нельзя [18, с. 173]; рукопись L они полагают «малоавторитетной» [18, с. 226]. И, по их мнению, именно формы с [k] были во времена Юстиниана общепринятыми, прочие же появились позже [18, с. 209].

Приоритет форм с [k] перед формами с [th] подчеркивается и комментаторами второго тома «Свода» [19, с. 74].

Формы с [th] появляются, судя по данным «Свода», впервые в VII в. в поэме Георгия Писиды «Аварская война»; причем в других своих произведениях Г. Писида использует формы с [k] [19, с. 66–74].

Другой источник, где мы видим формы с [th] – это провинциальная Монеувасийская хроника первой половины X в. [19, с. 326–331]. Стоит отметить, что этноним *славян* в этой хронике передается как *Σθ(λ)αβηνοί*, *Σθλαβηνοί* и даже как *θλαβηνοί* – т. е., мы действительно наблюдаем здесь неустойчивость и неуверенность передачи имени славян.

Таким образом, оставляя в стороне этноним *Σταυανοί*, мы должны констатировать, что как раз наоборот – наблюдается редкая устойчивость форм *Sklavinoi* и под., которые абсолютно доминируют как в ранних, так и в поздних источниках. И лишь в поздних источниках (при том характерного происхождения – поэма и провинциальная хроника), к ним изредка добавляются формы со вставным [th]. Причем, подчеркну, в Монеувасийской хронике это сопровождается неустойчивостью и неуверенностью в передаче этнонима даже в форме со вставным [th].

Здесь показателен также другой поздний случай, когда (в трактате Константина Багрянородного) встречается еще один, атипичный способ передачи этнонима *славяне*: «Единственный раз в этом сочинении Константина (гл. 50.66) этноним "славяне" встречается в форме *Solaboí*. Видимо, это в данном случае след особого источника – может быть, донесения Льва Агеласта» [10, Глава 50.66].

Пример этот показателен не только тем, что он тоже поздний, но и также тем, что он демонстрирует: если трактовать [k] как вставной, то в данном случае количество степеней свободы для выбора способа реализации искомой задачи было явно больше единицы (и даже не ограничивается лишь консонантными вставками). Однако же реализовывались – лишь некоторые из возможных вариантов. А резко предпочитался – именно вариант с [k].

В этой же связи, думаю, необходимо обратить внимание и на то, что албанское название славян – «shqa < *skla-, мн. shqe ‘славянин’» [2, с. 257]. Даже если рассматривать его как заимствование из греческого (или латыни), то мы, по всей видимости, в любом случае должны прийти к выводу, что греческие формы *Sklavinoi* и под. – не являлись сугубо книжным конструктом, а отражали широко бытовавший в народной речи и устойчиво связанный со славянами термин.

В ранних средневековых молдавских источниках болгары (а зачастую и шире – южные славяне) тоже именовались шкей (хотя, наверное, здесь стоит предположить заимствование из албанского); отметим и итальянское диалектное (венецианское) *schiaconi* ‘славяне’.

Наконец, говоря об арабском наименовании славян (подробнее: [13]) – *сакалиба* (которое тоже отражает наличие звука [k]), все же обратим внимание, что арабы в ходе войн с Византией не только непосредственно сталкивались со славянами, но и, по свидетельству источников, отдельные отряды славян попадали в плен и переходили на сторону арабов.

Таким образом, все вышеизложенное наводит на мысль, полагаю, что мы по крайней мере вправе заподозрить, что устойчивое пристрастие ранних византийских источников именовать славян *Sklavinoi* и под. имело под собой вескую и восходящую к славянской среде причину. И причина эта заключалась в том, что [k] в *Sklavinoi* в момент знакомства византийцев со славянами – отнюдь не был вставным.

Коррелирует с таким подозрением и обращение к закономерностям эволюции праславянских и балтских консонантных кластеров *tl, *dl.

Принято считать, что в позднепраславянское время в рамках Славии можно говорить о двух макродиалектах. В том числе «восточный и западный макродиалекты отличались друг от друга ... неодинаковыми последствиями некоторых позднепраславянских звуковых изменений: сочетания *tl, *dl на востоке переживали утрату взрывного элемента при его сохранении на западе (рус., укр., болг., с.-х. мн. ч. *плели* – польск., чеш. *pletli*, рус., укр., болг., с.-х. *шило* – польск. *szydło*, чеш. *šídlo*)» [21, с. 18].

Но, «как уже давно установлено, в древнепсковском диалекте *tl, *dl дали kl, gl. В псковских источниках многократно встречаются перфекты типа *блуглись*, *повегле "повел"*, *всьггли "сели"*, *сустръкли "встретили"*,

учкле "учел" и др. Тот же эффект обнаруживается в ряде существительных, в частности, жерегло "узкий пролив", жагло "жало", ёгла, егль "ель", клещь "лещ", мочигло "болото" и др.» [8, с. 49]. Аналогичное явление отмечается в некоторых польских и кашубских диалектах [21, с. 20].

Между тем, если мы принимаем *Στανανοί* в качестве самой ранней фиксации этнонима славяне, то мы неизбежно должны будем принять и то, что имела место эволюция от *Στανανοί* \ *Στλανανοί* – к *Sklavinoi*. Т. е., та же эволюция *tl > kl.

Если учесть здесь, что наиболее убедительным выглядит отнесение ставанов к группе «народов вдоль пути рядом или вдоль Вистулы и побережья Венедского залива (карта «Висла-Балтика»)» [25, с. 84–85], где также локализуются и венеды (при всех спорах, венеды – безусловный источник одного из средневековых именовании славян, а также, полагаю, и некоторых славянских этнонимов [1]) – то совпадения показательные.

Эти совпадения продолжаются и сведениями об эволюции самого гидронима Висла.

Плиний именует эту реку Висула, однако чаще она именуется Вистула или Вистла [18, с. 25, 32]. У Иордана и в некоторых других источниках фиксируется форма Вискла, и комментаторы связывают ее происхождение «с устным готским преданием» [18, с. 131]. В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев в связи с этимологией гидронима *Висла* полагали, что «не исключена возможность балт. происхождения, ср. др.-прусск. *Wizla/Wixla* < *Vīkslā < *Vīs-klā от балт. *vis-/*veis-» [23, с. 252].

Обращаясь же к балтскому материалу, мы видим, что и «для всех балтийских языков характерен необычный переход *tl > kl, *dl > gl, не получивший убедительного объяснения» [3, с. 90]. Причем, согласно выводам А. В. Дубасовой, «переход *tl > kl, *dl > gl, вероятно, имел место еще до появления значительных отличий между балтийскими диалектами, поскольку прабалтийские сочетания *tl, *dl дали один и тот же рефлекс во всех балтийских языках» [3, с. 91].

Отдельно хочу отметить, что, рассуждая о связи «смещения t // k, d // g в балтийских языках» и в праславянском, А. В. Дубасова рассматривает два основных объяснения этой связи: «... оно могло проникнуть в праславянский из прабалтийского либо явиться следствием общей балто-славянской тенденции, которая могла возникнуть и до отделения праславянского и прабалтийского языков из праиндоевропейского» [4, с. 23].

Помимо новгород-псковской зоны и некоторых польских и кашубских диалектов, также и на Балканах «словенские диалекты» (а территория Словении была заселена славянами крайне рано [15]) демонстрируют, во-первых, «сохранение сочетаний *tl, *dl» [21, с. 19];

помимо словенских диалектов, характерно это было и для т.н. панноно-славянского исчезнувшего диалекта [9, с. 212].

Во-вторых, некоторые словенские диалекты демонстрируют и переход праслав. *dl* > *gl*: «ср. праслав. *jedľь 'ель', словен. jegla 'сосна' ...» [3, с. 90]; см. также [27, с. 103–117].

Это же явление выражено и в закарпатских говорах: «... й у новий час у закарпатському діалекті в іншомовних запозиченнях сполуки тл, дл переходять у гл, наприклад: пánглик «стрічка» (угор. rántlika), шінгла «гонт» (нім. Schindel), штрúгл'а «струдель» (нім. Strudel)» [14, с. 34].

Таким образом, из этих данных следует, что тенденция перехода *tl > *kl*, *dl > *gl* была характерна еще для прабалтийского языкового состояния и оказала влияние на развитие аналогичной тенденции в праславянском (или даже являлась «общей балто-славянской тенденцией, которая могла возникнуть и до отделения праславянского и прабалтийского языков из праиндоевропейского»). И, что на Балканский полуостров также проникали, и именно в рамках первой волны славянского заселения полуострова, вступая во взаимодействие с византийцами, и группы славян, для которых было характерно как сохранение *tl, *dl, так и переход их в *kl*, *gl*.

Соответственно, думаю, это показывает, по крайней мере, гипотетическую возможность объяснять эволюцию ранних фиксаций этнонима славян от *Σταναοί* \ *Στλαναοί* (если, конечно, мы признаем его как фиксацию этнонима 'славяне') к *Sklavinoi* в связи с балто-славянской тенденцией перехода *tl > *kl*, *dl > *gl*.

Однако это, безусловно, требует также предложения новой возможной этимологии этнонима 'славяне'.

Пытаясь предложить такую этимологию, и исходя, вслед за Д. А. Мачинским, из того, что исходной праформой было *стлаване, я обратился к праслав. *stylati 'стелить, расстилать' [7, V, с. 297]. И праслав. *tylo 'дно, основа, грунт' – которое, в свою очередь, связано с и.-е. **tel-* 'плоский, расстилать' [7, V, с. 583–584].

На это последовало следующее возражение: «в представленной реконструкции славянского этнонима предполагается вовсе не -*tl-*, а -*tyl-* (для дописьменной эпохи вообще -*tīl-*), тогда как падение редуцированных началось в самых продвинутых славянских ареалах от силы в IX в., т. е. через несколько столетий после фиксации в иноязычных источниках форм на *stl-*, *skl-* и *sth1-* (иначе ожидалось бы *Στιλαβηνοί и т. п.)» (письмо e-mail от А. И. Грищенко, 26.04.2016).

Однако, при всей справедливости этого замечания, надо заметить, что при объяснении возникновения этнонима 'славяне' мы очевидно должны обращаться к заведомо более раннему времени, нежели позднепраславянское. И даже, возможно, раннепраславянское.

Впрочем, насколько могу судить, мы не можем вывести предполагаемую мной этимологию и на балтской почве – поскольку «и.-е. *R > iR / uR, т. е. и.-е. сонанты *l̥, *r̥, *m̥, *n̥ представляют типичное двойное развитие в балтийском и славянском, например (il / ul)» [4, с. 9; см. также: 22, с. 36].

Но, в том-то и дело, что у нас здесь есть возможность привлечь к объяснению иной, помимо балтского, языковой компонент.

Поскольку, ранее В. В. Мартынов предложил, что в начальной стадии формирования праславянского языка чрезвычайную роль в этом процессе сыграли два «ингредиента»: первичный – балтский, и второй – «италийский» [11, с. 57, 93–95]. Чуть позже к ним добавился третий, иранский. Более поздние, кельтские и германские влияния, как не столь значительные, на статус ингредиентов, по его мнению, уже претендовать не могут.

Итак, В. В. Мартынов писал: «... выделяется италийский лексический ингредиент праславянского языка, самый богатый из известных до сих пор вторичных ингредиентов языка славян» [11, с. 58]. Причем, замечу, что исходя из историко-археологических соображений, наложение вторичного италийского ингредиента на первичный балтский могло иметь место только в бассейне Вислы. В этническом отношении этот «италийский ингредиент» достаточно прозрачно идентифицируется с этнонимом индоевропейского уровня (вряд ли даже сугубо «кельто-италийским») *венеды – венеты – энеты*.

Между тем, «два ряда рефлексов индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельтских и италийских языках достаточно надежно были показаны Х. Педерсеном ... В латинском и кельтских языках от и.-е. *l̥, *r̥, *n̥ установлены рефлексy rā, lā, nā и ar, al, an» [5, с. 11–12].

Среди случаев рефлексов rā, lā, nā в кельто-италийском В. А. Дыбо указывает и на «лат. part. strātus (< *str̥-to-) от лат. sternō, strāvī, strātum ‘hinbreiten’» [5, с. 14].

И.-е. *stel- (*stl̥-) ‘расстилать’ (к которому и восходит праслав. *stьlati) «связано с и.-е. *ster- (*str̥-), отображенном в латинском sterno ‘насыпаю, расстилаю, стелю’ ...» [7, V, с. 297]. К и.-е. *ster-/ stor- восходит и праслав. *storna ‘сторона’ [7, V, с. 428]. В нижнелужицком мы имеем tlo ‘..., полоса земли, страна’ [7, V, с. 583–584].

Для нас очень существенно, что праслав. *tьlo В. В. Мартынов как раз и полагает итало-кельтским заимствованием: «... может быть восстановлено итало-кельт. tlom, которое, проникнув на протобалтийскую территорию, дало праславянское tьlo» [11, с. 88]. Праслав. *tьlo является «конкурирующей лексемой-синонимом» для праслав. zemja ‘земля’; для *tьlo В. В. Мартынов реконструирует значение ‘обрабатываемая земля, почва’, сопоставляя с лат. tellus и ирл. talam.

Праслав. же **stylati* связано с латин. *lātus* ‘широкий’ (< **stlatos*) (ЕСУМ 5: 297).

Согласно этимологическому словарю А. Вальде, «*lātus* 'breit': als **stlātos* (s. auch *stlatta*) mit *lā* aus **l̥*» [28, с. 417]. Здесь же он приводит *latus* ‘Seite’ (т.е. – ‘сторона’), которое, «возможно», восходит к *lātus*. И, что еще интереснее, указывает на *Latium*, *Latinos* – соотнося его с «*agre Tlatie*» и *lātus*.

Последнее указание очень ценно, поскольку адресует нас к этимологии этнонима *латины* и связанного с ним топонима *Лацый*, и увязывает их именно с *lātus*. Этноним *латины* в таком случае, возможно, следует этимологизировать как ‘люди равнины’ [26, с. 9].

Но вне зависимости от исходной семантики этнонима *латины*, для нас наиболее важна его связь с *lātus* < **stlatos*. Поскольку это демонстрирует нам реальное наличие индоевропейских, и даже, что еще существеннее, именно италийских этнонимов, восходящих к и.-е. **stl̥-* и **str̥-*.

И, учитывая «италийский ингредиент» в праславянском, позволим предположить, что, как и этноним *латины*, этноним *славяне* необходимо этимологизировать именно в том же семантическом поле – поле производных от и.-е. **stl̥-* и **str̥-*.

Итак, вот основные соображения по поводу предполагаемой мной возможности этимологизировать этноним *славяне*. Нисколько на них не настаивая, все же надеюсь, что их можно рассматривать как аргумент в пользу необходимости внимательнее отнестись к этому вопросу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грацианский, М. В. О происхождении этнонима «анты» / М. В. Грацианский // Византийский временник. – 2012. – Т. 71 (96). – С. 27–39.
2. Десницкая, А. В. Албанский язык и его диалекты / А. В. Десницкая. – Л. : Наука, 1968. – 376 с.
3. Дубасова, А. В. О смешении нёбнопалатальных и дентальных в балтийских и славянских языках / А. В. Дубасова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – Т. 30 (67). – С. 90–94.
4. Дубасова, А. В. Реконструкция балтийского консонантизма : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филолог. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / А. В. Дубасова. – Спб., 2008. – 27 с.
5. Дыбо, В. А. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена) / В. А. Дыбо // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. XI: Аспекты компаративистики 2 = Aspects of comparative linguistics 2* / под ред. И. С. Смирнова. – М., 2006. – С. 11–28.

6. Ернштедт, П. В. Египетские заимствования в греческом языке / П. В. Ернштедт. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1953. – 208 с.
7. Етимологічний словник української мови : в 7 т. / гол. ред. О. С. Мельничук, В. Г. Скляренко. – К. : Наукова думка, 1982–2012. – Т. 1–6.
8. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2004. – 872 с.
9. Золтан, А. Славянские диалекты Карпатского бассейна во время прихода венгров (IX в.) / А. Золтан // *Studia Slavica Hung.* 58/1. – С. 209–218.
10. Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, пер., коммент. / Константин Багрянородный ; под. ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева ; [введ. Г. Г. Литаврина ; АН СССР. Ин-т истории СССР. Ин-т славяноведения и балканистики]. – 2-е изд., испр. – М. : Наука, 1991. – 493, [3] с., [1] л. схем.: ил.; Прил. (1 л. карт.). – (Древнейшие источники по истории народов СССР).
11. Мартынов, В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян / В. В. Мартынов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 108 с.
12. Мачинский, Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. / Д. А. Мачинский // *Труды Государственного Эрмитажа* : [Т.] 49 : Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света : материалы Международной конференции, состоявшейся 14–18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. – С. 460–538.
13. Мишин, Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье / Д. Е. Мишин ; Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. – М. : ИВ РАН : Крафт+, 2002 (Калуга : ГУП Облиздат). – 364, [1] с. : ил.; 22 см.
14. Німчук, В. В. Причинки до закарпатського діалектогенезу / В. В. Німчук // *Український глоттогенез : матеріали Міжнародної наукової конференції*. – Житомир : Полісся, 2015. – С. 19–38.
15. Плетерский, А. Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях / А. Плетерский // *Stratum plus*. – 2015. – № 5. – Р. 227–248.
16. Прокопий из Кесарии. Война с готами / пер. С. П. Кондратова. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 517 с.
17. Романчук, А. А. Как и когда славяне пришли на Дунай: обзор раннеславянской археологии Подунавья в журнале *Stratum plus* [Электронный ресурс] / А. А. Романчук. – Режим доступа: http://генофонд.рф/?page_id=5728.
18. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.) / сост. Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, отв. ред. Л. А. Гиндин (филология), Г. Г. Литаврин (история). – М. : Восточная литература РАН, 1994. – 473 с.
19. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII–IX вв.) / сост. С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин, отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Восточная литература РАН, 1995. – 589 с.
20. Славятинская, М. Н. Учебник древнегреческого языка / М. Н. Славятинская. – М. : Филоматис, 2003. – 620 с.
21. Супрун, А. Е. Славянские языки / А. Е. Супрун, С. С. Скорвид // *Языки мира: Славянские языки* / ред. колл. : А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. (отв. ред.). – М. : Academia, 2005. – С. 12–28.

22. Топоров, В. Н. Балтские языки / В. Н. Топоров // Языки мира: Балтийские языки / ред. колл. : В. Н. Топоров, М. В. Завьялова, А. А. Кибрик (отв. ред.). – М. : Academia, 2006. – С. 10–49.
23. Топоров, В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев // Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 2. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – С. 9–382.
24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1987. – 832 с.
25. Шувалов, П. В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея / П. В. Шувалов // Stratum plus. – 2013. – № 4. – С. 75–90.
26. Alföldi, A. Early Rome and the Latins / Andrew Alföldi. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1966. – 433 p.
27. Bezljaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga. A–J / F. Bezljaj. – Ljubljana : Institut za slovenski jezik, 1977. – 235 s.
28. Walde, A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch / A. Walde. – Heidelberg : Karl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1910. – 870 s.

Стаття надійшла 28.04.2016 року

УДК 811.161.2'282

Тетяна Тищенко
(Умань, Україна)

СПОСОБИ НОМІНАЦІЇ У ТВАРИННИЦЬКІЙ ЛЕКСИЦІ СХІДНОПОДІЛЬСЬКИХ ГОВІРОК УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

У статті на матеріалі говірок східноpodільського ареалу української мови проаналізовано способи номінації у тваринницькій лексиці. Зауважено, що основними способами номінації реалій тваринництва в східноpodільських говірках української мови є семантична трансформація, афіксальна деривація, композитивне словотворення, фразотворення. Аналіз тваринницької лексики засвідчив, що найпродуктивнішим способом словотворення є суфіксація. Найчастотнішою суфіксація є у лексико-семантичній групі назв тварин, де тісно пов'язані диференційні ознаки 'вік' та 'розмір'. Продуктивним способом словотворення в досліджуваних говірках є осново- і словоскладання, які на формально-словотвірному рівні представлені у вигляді чистого основоскладання, складно-суфіксального основоскладання, словоскладання, словотвірної контамінації. У всіх лексико-семантичних групах відзначено значну кількість полікомпонентних номінацій реалій тваринництва. Вони мають переважно структуру атрибутивних словосполучень.

Ключові слова: *номінаційні процеси, способи номінації, східноpodільські говірки української мови, тваринницька лексика, семантична трансформація, афіксальна деривація, композитивне словотворення, фразотворення.*

Тищенко Т. Способи номінації в животноводчеській лексиці восточноpodольських говорів українського язика.